

UDK 821.161.1'367.625.4«13/15«

Мария Вадимовна Скачедубова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
maria-anna2121@yandex.ru

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛУЧАЕВ УПОТРЕБЛЕНИЯ *-л-* ФОРМЫ БЕЗ СВЯЗКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)¹

В статье анализируются особенности употребления *-л-* формы без связки в Ипатьевской летописи. Рассматриваются контексты, в которых ее наличие не объясняется перфектным значением. Часть примеров являются контекстами, характерными для причастных предикаций. В другой части примеров *-л-* форма выступает в классическом причастном контексте типа «вставь (и) рече». Все примеры, в которых *-л-* форма не имеет значения перфекта, можно отнести либо к первой, либо ко второй группе. Учитывая это, а также материал диалектов и других славянских языков, в которых в разном объеме мы находим прилагательные, восходящие к *-л-* причастиям, кажется уместным утверждать, что *-л-* формы могли функционировать не только как часть составного глагольного сказуемого, но и как причастия прошедшего времени на *-ъш/-въш*.

Ключевые слова: древнерусский язык, причастие прошедшего времени, перфект

The article analyzes instances of verbal l-forms used without auxiliary in Old Russian *Ипатьевская Chronicle* (13th–15th c.). Special emphasis is on the contexts where l-forms do not convey the meaning of the perfect tense. One part consists of contexts that are typical for participle predications. The other part consists of examples where the l-forms appear in typical participle contexts of the *vstavъ (i) reče* type. All examples where l-forms do not have the meaning of the perfect tense can be attributed either to the first or to the second group. Taking this into account, as well as the material from the dialects and other Slavic languages that include, to varying extent, adjectives going back to l-participles, it seems reasonable to assume that l-forms could function not only as a part of the *compound verbal predicate*, but also as a *past participle -ъš/-въš*.

Keywords: Old Russian, past participle, perfect tense

0 Ипатьевская летопись (далее ИЛ) является списком с южнорусского летописного свода, составленного в XIV веке, и датируется первой четвертью XV века (Словарь книжников 1987: вып. I, 238). Этот свод, соединивший несколько летописных источников, состоит из четырех частей: Повести временных лет, Киевской летописи (КЛ), Галицкой летописи (ГЛ) и Волынской летописи (ВЛ).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

Летописи дают богатый материал для анализа прошедших времен и причастий в силу своей повествовательной специфики. Кроме того, КЛ, представляющая собой самую большую часть ИЛ, «наиболее архаична по языку и в то же время не отличается книжностью» (Шевелева 2009: 145).

Предмет исследования составили контексты из ИЛ с *-л-* формой в нарративе без связки. Как известно, в общеславянском языке *-л-* форма в сочетании с вспомогательным глаголом служила для образования сложных времен: перфекта (несль късьмь), плюсквамперфекта (несль бѣхъ), будущего времени (бждж несль), а также формы условного наклонения (несль бимь/быхъ) [Мейе 2000: 210]. В истории русского языка существовавшая в праславянском сложная система прошедших времен упростилась, и единственным прошедшим временем стала старая форма перфекта, утратившего вспомогательный глагол и сохранившего лишь формы бывшего *-л-* причастия. В связи с этим, *-л-* форма без вспомогательного глагола в древнерусских текстах традиционно трактуется как перфект без связки и объясняется начавшей перестройкой во временной системе (см., например [Истрина 1923: 123], [Хабургаев 1991: 309]). Однако, как показывает материал, такая интерпретация, по крайней мере, для ИЛ, не всегда оправдана.

1 В ИЛ нами было обнаружено 11 контекстов, в которых *-л-* причастия без связки не имеют перфектного значения. Часть обнаруженных примеров может быть соотнесена с контекстами, в которых по данным А.А. Пичхадзе (2011) обычно употребляется причастие, а не личная форма глагола. Работа А.А. Пичхадзе посвящена причастию-сказуемому в зависимых предикациях. Автор ставит перед собой задачу определить ряд условий, необходимых для появления причастия, а не личной формы глагола в зависимых предикациях, присоединяемых вопросительно-относительными словами.

1. Один из типов контекстов, характерных для причастных предикаций, по наблюдениям А.А. Пичхадзе, – контексты с союзными (вопросительно-) относительными словами, которые указывают на неопределенный, любой, случайно присутствующий субъект/объект, ср. в старославянском Синайском требнике: *отъмываемъ же паки грѣхы ть себѣ. њже по крыштеныи сътворше покааниемъ. исповѣдаѣштеса боу 6769-13*. Данный пример уместно сравнить со следующими примерами из КЛ (текст воспроизводится по изданию ПСРЛ, т. 2, разночтения в издании приводятся по Хлебниковскому списку XVI в. и Погодинскому списку XVII в.):

- КЛ Л. 220 об. и бы(с) тоиѣ ночи тепло и дождь. рамань. и оумножиса вода. и не бы(с) имь коуда переѣхати. а Половцѣ котории оутагли переити вежами спѣсошася. а которѣи не оутагли. а тѣхъ възаша – ‘любые/кто только ни успели перейти – спаслись, кто/любой/каждый не успел – того взяли’;
- КЛ Л. 226 и на прочая гражаны найде стра(х) да которѣи же гражанѣ. выидоша изъ града. и бяхоутся ходаще по Римьскомуу болоту. то тѣи избыша плѣна. а *кто са всталь* в городѣ а тѣ вси взати быша – данный

контекст аналогичен предыдущему: 'каждый/любой/кто ни остался в городе, те все были взяты';

- КЛ Л. 235 об. – 236 Рюрикъ же поча доумати с моужи своими как бы емоу дати волость. Всеволодоу *которыѣ* же волости оу не(г) просиль – 'начал думать, как Всеволоду отдать волости любые/которые (ни) просил'.

Подобный контекст встретился и в ВЛ:

- ВЛ Л. 302 и розъсла мл(с)тно по всей земли и стада роздая оубогымы. людемь. оу кого то конии нѣтоуть. и тѣмь *иже кто погибли* в Телебоузинову рать – 'раздавал милостыню всем/любым/кто (ни) пострадал во время рати'.
- Перфектное значение в приведенных выше примерах отсутствует. При этом приведенные примеры сопоставимы с указанным выше типом контекстов с причастными предикациями. Наиболее вероятно, что появление *-л-* формы в этих контекстах объясняется актуализацией своих исходных причастных свойств и употреблением в функции причастия на *-ъи/-въи-*.

2. Среди причастных конструкций с подчинительными союзами А.А. Пичхадзе выделяет тип контекстов с союзами, означающими «пока не», ср.: никогоже другомъ твори *преже даже не испытавъ*, како живеть съ предънимъ другомъ Пчела 62; бѣ коренье...не оубыеть, *преже даже не родивъса* ѿ него плодъ блѣгъ Пчела 314. Сравним с ними следующий контекст из ГЛ:

- ГЛ Л. 261 королевичъ же. и Дьянишь. и Соудиславъ. изнемогахоу гладомъ в градѣ. стояше же .бѣ. недѣль воюя жда ледоу. *дондеже перешлъ* на нѣ – как и в предыдущих примерах, перфектное значение здесь не усматривается. Если интерпретировать *-л-* форму как причастие прошедшего времени, то ее появление становится объяснимым.

3. Следующим типом конструкций с причастными предикациями являются конструкции, вводимые союзом *яко*, имеющие значение «как, словно», «в качестве», «потому что», ср.: и аз же оубо аще ти ѡдолѣю, славенъ боудоу црѣ великъ въ еллинѣхъ и варварѣхъ, *яко* толика црѣ силна дарила *оубивъ* Александрия 45 («прославлю как убивший=в качестве убившего»). Сравним с аналогичным примером из ПВЛ:

- ПВЛ Л. 90 (про ослепление Василька Теребовльского) и приидоша с нимъ. Володимерю. въ .Ѹ. днѣ. прииде же и Двѣдъ по немъ. *яко* звѣрь *оуловиль*. и посадиша и оу дворѣ Вакѣвѣ. і прѣставиша .лѣ. мужъ стрѣщи. а. .вѣ. втрока княжа. Оулана. и Колчю – 'Давыд пришел, словно зверя поймав/в качестве поймавшего зверя'. Таким образом, и здесь мы можем говорить о том, что *-л-* причастие выступает в качестве причастия прошедшего времени.

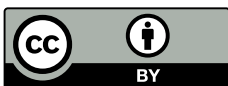
2 Другую группу примеров составляют контексты, где *-л-* форма стоит в одном ряду с аористом или имперфектом, к которым она может присоединяться с помощью союза *и*. Если ее трактовать как причастие, то мы получаем абсолютно

нормальную для древнерусского конструкцию типа «вставъ (и) рече», подробно разобранный А.А. Потемной (1958: 188–97) (причастие обозначает побочное действие, личная форма – главное). Рассмотрим их:

- КЛ Л. 229 об. – 230 и приде Володимеръ ко королеви. король же *поималъ* Володимера и со всеми полкы *поиде* к Галичю – очевидно, что перфектного значения *-л-* форма здесь не имеет. Данный пример, в отличие от других, разбирается в работе (Шевелева 2009: 155), где *-л-* форма трактуется как выступающая в аористном значении. Однако, как отмечает сама М.Н. Шевелева, примеров употребления *-л-* формы в аористном значении (которое получает со временем широкое распространение и справедливо объясняется утратой простых претеритов в древнерусском языке) в КЛ практически нет (их мы рассмотрим ниже). В то же время соединение причастия и личной формы глагола с помощью союза «и» абсолютно нормально для древнерусского синтаксиса.
- КЛ Л. 190 об. – 191 Мьстиславъ же *прише(л)* ста по горѣ ѿ бору а пѣщи *постави* по валови – появление *-л-* формы объясняется перфектным значением не может (хотя *л* находится под титлой, допускать ошибочное прочтение издателей не приходится, так разночтений по спискам нет). Усматривать здесь аористную функцию тоже кажется неправильным, т.к. в таком случае ожидался бы союз «и». Употребляется *-л-* форма, по всей видимости, в классическом причастном значении вместо причастия *пришедъ*.

Аналогичен и следующий пример:

- ПВЛ Л. 66 об. вольхвъ *въсталъ* при Глѣбѣ в Новѣгородѣ. *гліеть* бо людемъ. и творають бо (людемъ) бѣмъ – если рассматривать форму *въсталъ* как причастие, то перед нами абсолютно стандартная синтаксическая конструкция: главное действие выражено имперфектом *гліеть*, дополнительное – причастием.
- КЛ Л. 165 об. и ту приде ему вѣсть ѿ сна ѿ Мьстислава вже Бѣ ему *помогль* Половци побѣдити на Оуглѣ и на Самарѣ. и полонъ много *взаль* самѣхъ *прогна*. вежѣ и(х) поима. конѣ ихъ и скоты и(х) зая и множество дшѣ кр(с)тяныхъ ѿполони – первая *-л-* форма объясняется тем, что она находится в придаточном изъявительном предложении в косвенной речи, для передачи которой регулярно использовался перфект в относительном значении (подробно см. [Шевелева 2009]). Форму *взаль*, с одной стороны, можно объяснить тем же. С другой стороны, тогда непонятно, почему именно после формы *взаль* начинается ряд однородных аористных форм: *прогна*, *поима*, *зая*, *ѿполони*. Тем более что формы *помогль* и *взаль* относятся к разным подлежащим, т.е. однородными мы их назвать не можем. Гораздо вероятнее, что структуру предложения следует понимать так: «и пришла ему (Изяславу) весть от сына Мстислава, что Бог помог ему победить половцев; и он, взяв много пленных, их прогнал, башни их захватил, коней и скот взял, многих освободил». Совершенно объясним ряд однородных аористов, а форму *взаль* предпочтительно трактовать как причастие.

Интересен следующий пример, хоть и взятый из прямой речи, где так или иначе можно усматривать и перфектную семантику:

- КЛ Л. 137 ре(ч) же ГѠлговичъ Стѡславъ къ Гюргеви. брата то намъ ворогъ всимъ Изаславъ брата нашего оубиль – Святослав обсуждает с Юрием, стоит ли оказывать помощь Изяславу, о которой он просит. Святослав говорит, что, несмотря на все уговоры и просьбы, Изяслав останется врагом, т.к. убил его брата Игоря. Цель данного высказывания не в том, чтобы рассказать, что Изяслав убил Игоря, т.к. это собеседникам и так известно, а подчеркнуть, что после этого Изяслав не может быть другом. Поэтому, предложение следует понимать, скорее всего, как «Враг нам всем Изяслав, брата нашего убив», а не «Изяслав нам всем враг. Брата нашего убил» (тем более что между частями предложения нет причинного союза). Т.о., очень вероятно, что в данном примере *-л-* форма употреблена в причастном значении.

Здесь интересно рассмотреть контексты, в которых, как разбирается в (Шевелева 2009), перфект без связки используется в аористном значении. Таких примеров всего четыре, при этом во всех них это форма *далъ*, «очень частотная в летописи в нормальных для перфекта контекстах перфектности и, кроме того, практически формульная в деловых документах этого времени, - все это могло способствовать закреплению прошедшего времени глагола *дати* именно в данной форме и выходу ее за пределы прямой речи в нарратив» (там же: 154). Такая интерпретация возможна, однако очень вероятна и другая: если бы во всех нижеприведенных примерах вместо *далъ* было бы причастие *давъ*, они бы выглядели ничуть не менее «безошибочными», чем если бы там был аорист *дасть*:

- КЛ Л. 229 створи же Рюрикъ. Ростиславоу велми силноу свадбоу акаже несть бывала в Роуси. и быша на свадбѣ. кнѣзи мнози за .к. кнѣзи. сносѣ же свои *далъ* многи дары и городъ Брагинъ такова же свата и с бодры *ѡпоусти* ко Всеволодоу. в Соуждалъ с великою ч(с)тью и дары многими *идаривъ* – здесь, конечно, мы не можем утверждать, что перед нами причастие, с такой же долей вероятности, как и в примерах, рассмотренных выше (где объяснять *-л-* форму аористным значением было бы искусственно). Однако, как кажется, такая трактовка вполне вероятна, т.к. причастие *давъ* на месте *далъ* выглядело бы совершенно нормально для древнерусского синтаксиса.

Аналогичен следующий контекст:

- КЛ Л. 241 об. – 242 и видивъши же кнѣгини его приимъши мнискыи чинъ и пострижеса и сама. кнѣгини его Двѣдъ же столь свои *далъ* снѡвцю своему. Мьстиславоу Романовичю. а снѣ своего Костантина в Роусь *посла* братоу своему Рюरिकови на роуцѣ. а самого *несоша*. больна соуща. в монастырь. къ стѡма мчнкоу.

Несколько иную конструкцию мы видим в следующих двух примерах:

- КЛ Л. 236 об. Рюрикъ же сдоума с братьею и с моужи своими. и посла ко Всеволодоу река емоу. ажъ брате жаловалса на мене про волость.

которые же еси просиль и *дать* Рюрикъ Всеволодоу .ѣ. городовъ Торцький Корсоунъ. Бгѡуславль. Треполь. Каневъ. и *оутвердиша(ѣ)* кр(ѣ)томъ. ч(ѣ) тнымъ на всей любви своеи;

- КЛЛ. 230 како еси послалъ снѧ свое(гѣ) ко королеви. а со мною не спрошавсѧ. состоупилсѧ еси радоу. и бывши распрѣ мнозѣ. но преблѣги Бѣ *не даль* радости дьяволоу. но *снидошасѧ* кр(ѣ)тнымъ цѣлованиемъ – в обоих случаях причастие и личная форма глагола относятся к разным подлежащим (в первом – Рюрик дал; Крестом утвердились Рюрик и Всеволод; во втором – Бог не дал радости дьяволу; крестным целованием сошлись князья). Однако так называемые именительные самостоятельные характерны для древнерусского синтаксиса: «причастие в древнем языке более сходно с глаголом, чем в новом: ...оно, присоединившись к подлежащему, хотя и не вполне заканчивает предложение, но дает мысли роздых, намечает собою деление предложения на две части, деление, подобное тому, какое мы видели во «*вставъ и рече*», но с тою разницею, что в предложении с именительным самостоятельным подлежащее главного и второстепенного сказуемого различны», ср.: И *пришедъ* Изяславъ Мъстиславичъ къ Киеву, и бѣ Игорь разоблѣлся в порбѣ и бѣ боленъ велми, Ип., 28; Андрей же то *слышавъ*, и бысть образъ лица его попустнѣлъ, Ип., 109 (Потебня 1958: 199).

Таким образом, в разобранных примерах совершенное значение у *-л-* форм отсутствует. Все рассмотренные контексты с *-л-* формами являются классическими для «обычных» причастий прошедшего времени. С учетом этого, а также многочисленных славянских параллелей, появление *-л-* форм в рассмотренных контекстах кажется логичным объяснять актуализацией собственно причастных свойств.

3 Тот факт, что *-л-* формы в древнерусском могли функционировать как причастия на *-ъши/-ъш-*, подтверждает материал других славянских языков, а также русские диалектные данные.

Славянским языкам в разной степени известны прилагательные, восходящие к *-л-* причастиями: ср. русск. *огрубелый, одурелый, вялый*. Широко такие формы представлены в диалектах, в большом количестве они зафиксированы в словаре В.И. Даля: *иззяблый, горклый, мерзлый, мерклый* (подробно см. (Сигалов 1967)). Достаточно часты, но нерегулярны такие формы в украинском языке: *робилий, купилий, двигнулий, посивилий*. Аналогичная ситуация наблюдается в чешском: *zahynulý, rodilý, přišlý*. Как и в украинском, такие формы образуются лишь от определенных лексических групп глаголов и являются отглагольными прилагательными (Копецнý 1958). В (Gramatyka historyczna języka polskiego 2013: 320, 383) отмечается, что в польском языке некоторые *-л-* формы претерпевали изменения в значении. Происходил процесс их лексикализации и затемнения предикативной семантики, так что эти формы выходили за пределы глагольной системы и переходили в разряд прилагательных, ср.: *stały* («тот, который стоял»

→ «неизменный, постоянный»), *oschly* («тот, который высох» → «сухой»), *okazaly* («тот, который предъявил, показал» → «видный, внушительный») и др. Подобную ситуацию наблюдаем и в словенском: *otekel, osirotel, ovenel* (Славянские языки 1977: 328).

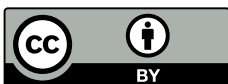
Вопрос, являются ли такие прилагательные реликтами или, наоборот, новообразованиями, остается открытым. По данным П.С. Сигалова, в ранних памятниках таких форм нет вообще. Они являются довольно поздними образованиями. Так, в украинском языке, например, они получают развитие с XVI-XVII вв. (Сигалов 1967).

Кроме того, русским говорам известны образования типа *всталиши, обулиши*. О происхождении таких форм высказывалось два предположения: 1) [л] в образованиях этого типа обязано своим происхождением существованию совпадающих вариантов произношения фонем <в> и <л> - [ÿ] (Обнорский 1953: 232) 2) образования типа *всталиши* появились в результате взаимодействия на грамматическом уровне образований типа *вставши* и -л- форм на основе их генетического родства и параллельного употребления в предикативной функции (Кузнецов 1954: 91). И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко склоняются к тому, что свою роль сыграли оба фактора: «можно думать, что замена варианта *вста[ÿ]ши*, возникшего фонетическим путем, вариантом *всталиши* произошла уже под воздействием грамматического фактора» [Историческая грамматика русского языка 1982: 300]. Последняя интерпретация кажется наиболее вероятной. О потенциальной взаимозаменяемости двух типов причастий пишет и И. Игартуа, отмечая, что форма *dalъ jestъ* должна была прийти на смену **davъ jestъ* (Igartua 2014: 310).

Интересен материал кашубского диалекта польского языка. В переведенном на него Евангелии находим -л- формы в функции «обычных» причастий, ср., например: *wjidzalëch* – «видевших» (Мф. 2,6), *jes przëszli* – «если пришедший» (Ewanielie na kaszëbszci tlomaczoné:15).

Наконец, в болгарском языке -л- причастие употребляется не только в составе сложных глагольных форм. Оно может использоваться также как определение и в этом случае имеет и членную форму: *Седналият до мене мъж стана*. 'Севший возле меня мужчина встал' (при этом причастий на -ви-/ -и-, которые используются в русском языке, в болгарском нет).

Употреблению -л- причастий непосредственно в причастном значении в древнерусском языке отмечал А.А. Потебня (1958: 239–43). Он пишет, что такие примеры редки, но, тем не менее, существуют, ср.: милостыни, съв(ъ)купилась (=совокупившись) съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляеть челоуѣка (Новг. 1,60). Показательно, что -л- формам в Чудовской редакции Нового завета (ЧРНЗ) 1354 г. соответствует склоняемое действительного причастия прошедшего времени и в древнем, и в афонском тексте, что выявляет собственно

причастную природу этой формы – «перед нами так называемое несклоняемое действительное причастие пр.вр.» (Пентковская ДИСС). «Форма перфекта без связки встречается в ЧРНЗ в контекстах, где она обозначает факт совершения действия, рассматриваемый в настоящий момент как качество, свойство, признак действующего лица. В соответствии с этим на первый план выступает собственно причастное значение» (там же).

Получается, возникает некоторое противоречие: если *-л-* причастия, как традиционно принято считать, были исключительно предикативными формами (см., например, (Мейе 2000:211), (Иорданский 1965: 170)), ограничивающими свои функции образованием сложных времен, с течением времени только теряющими свои причастные свойства и превращающимися в финитные формы, то как могли возникнуть новообразования, о которых говорилось выше? По всей видимости, история *-л-* причастий сложнее, чем принято считать, и она не сводится к постепенной утрате причастности и превращению в нейтральную форму прошедшего времени. Принимая во внимание обсуждаемый выше языковой материал, можно предположить, что *-л-* формы могли проявлять себя и как обычные причастия (предикативно-атрибутивные образования), и, как следствие, потенциально иметь членную форму.

Если соглашаться с вышесказанным, то становится понятным употребление *-л-* формы без связки в разобранных нами контекстах из ИЛ. Перфектное значение в примерах не наблюдается, поэтому трактовать *-л-* формы как бессвязочный перфект неверно. Оснований утверждать, что форма перфекта выступает в функции простого претерита, также нет, т.к. ИЛ в целом отличается архаичным языком и других примеров, в которых можно было бы заподозрить употребление *-л-* формы в аористой функции, в тексте летописи не обнаруживается. Как показал материал, 7 из 11-и форм находятся в контекстах, характерных, по данным А. А. Пичхадзе, для причастных предикаций, что кажется естественным объяснять исконной причастной природой *-л-* формы (подозревать в ИЛ фонетическое совпадение форм типа *вставъ* и *всталь* оснований нет; написаний, которые бы говорили о совпадении фонем <в> и <л>, в памятнике не наблюдается). Актуализацией собственно причастных свойств объясняется появления *-л-* причастия и в четырех других примерах, где *-л-* форма выступает в классическом для причастий контексте типа «*вставъ (и) рече*». Учитывая это, а также данные других славянских языков, в которых в разной степени мы находим прилагательные (как предполагается, сравнительно позднего образования), восходящие к *-л-* причастиям, кажется логичным предположить, что *-л-* формы могли употребляться самостоятельно, а не только в составе сложных времен и функционировать как «обычные» действительные причастия прошедшего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- А. М. ИОРДАНСКИЙ, 1965: *В. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка: Филологические науки: 3*. Москва: Высшая школа. 168–70.
- Историческая грамматика русского языка: Морфология: Глагол, 1982. Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. Москва: Наука.
- Е. С. ИСТРИНА, 1923: *Синтаксические явления синодального списка I Новгородской летописи*. Петроград.
- П. С. КУЗНЕЦОВ, 1954: *Русская диалектология*. Москва: Учпедгиз.
- АНТУАН МЕЙЕ, 2000: *Общеславянский язык*. Москва: Издательская группа «Прогресс».
- Т. В. ПЕНТКОВСКАЯ, 2009: *Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон: Дисс.* Москва.
- С. П. ОБНОРСКИЙ, 1953: *Очерки по морфологии русского глагола*. Москва: Изд-во Академии наук СССР.
- А. А. ПИЧАДЗЕ, 2011: Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности. *Библистика: Славистика: Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ. 462–80.
- ПСРЛ, т. 2, 1962: *Полное собрание русских летописей: Т. II: Ипатьевская летопись*. Москва: Издательство восточной литературы.
- А. А. ПОТЕБНЯ, 1958: *Из записок по русской грамматике: Т. I-II*. Москва: Изд-во Министерства просвещения РСФСР.
- П. С. СИГАЛОВ, 1967: К истории зловых причастий-прилагательных. *Труды по русской и славянской филологии X, серия лингвистическая*. Tartu: Тартуский государственный университет. 3–45.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.)*, 1987. Ленинград: Наука.
- Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков)*, 1977. Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. Москва: Изд-ва Московского университета.
- Словарь книжников: Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.)*, 1987. Ленинград: Наука.
- Г. А. ХАБУРГАЕВ, 1991: Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским: (К реконструкции праславянской системы претеритов). *Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола*. Под ред. Г. А. Хабургаев, А. Бартошевич. Москва. 42–54.
- М. Н. ШЕВЕЛЕВА, 2009: Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. *Русский язык в научном освещении* 17/1. 5–43.
- Krystyna DŁUGOSZ-KURCZABOWA, Stanisław DUBISZ, 2013: *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa: WUW.
- Ewangelie na kaszëbszci tłumaczone*, 2010. Tłumaczenie ojciec A. R. Sikora. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie.

- Ivan IGARTUA, 2014: The Indo-European Adjectival Class with the Suffix *-lo- and its Development in Slavic. *The Journal of Indo-European Studies* 42/3–4. 302–31.
- František KOPEČNÝ, 1958: Příspěvek k problému slovanského přičestí *l*-ového. *IV Mezinárodní sjezd slavistův: Slavjanskaja filologija: Sbornik statej II*. Moskva: Izd-vo Akademii Nauk CCCP. 138–63.

POVZETEK

Članek analizira kontekste iz Ipatjevskega letopisa (IL), v katerem oblika na *-l-* brez povezave nima perfektivnega pomena. Podobna uporaba se tradicionalno interpretira kot perfekt brez povezave in se razlaga s postopkom poenostavljanja, ki se je začel v časovnem sistemu. Ampak, kot kaže gradivo, podobna interpretacija, vsaj v zvezi z IL, ni vedno opravičena. Vsi primeri se lahko razdelijo na dve skupini.

Prvo skupino sestavljajo konteksti, ki so tipični za deležniške predikacije. Na primer, v konstrukcijah z veznikom *яко* (kot) ponavadi se uporablja deležnik: *и аз же оубо аще ти вдолѣю, славень боудоу црѣ великъ въ сллинѣхъ и варварѣхъ, яко толика црѣ силна дариа оубивъ Александрия 45* («proslavil bom kot ubivši»). V IL v istem kontekstu najdemo obliko na *-l-*: Л. 90 (o oslepitvi Vasilka Terebovskega) и приидоша с нимъ. Володимерю. въ .Ѹ. днѣ. прииде же и Двѣдъ по немъ. *яко звѣрь оуловиль*. и посадиша и оу дворѣ Вакѣвѣ. ꙗ прлставиша .лѣ. мужъ стрѣщи. а. вѣ. втрока княжа. Оулана. и Колчю –«David je prišel, kot da bi ujel žival/kot ujevši žival». Tako ima oblika na *-l-* v podobnih konstrukcijah vlogo preteklega deležnika na *-ъѣ/-вѣѣ-*.

Drugo skupino sestavljajo primeri, v katerih se oblika na *-l-* uporablja skupaj z aoristom in imperfektom, s katerimi se lahko povezuje s pomočjo veznika *и* (*in*). Če jo interpretiramo kot deležnik, potem dobimo za starorusčino povsem navadno zgradbo tipa «вставъ (и) рече» (deležnik pomeni drugotno dejanje, osebna oblika – glavno), na primer:

- Л. 229 об. – 230 и приде Володимеръ ко королеви. король же *поималь* Володимера и со всеми полкы *поиде* к Галичю – očitno je, da oblika na *-l-* tukaj nima perfektivnega pomena. Hkrati je zveza deležnika in osebne oblike glagola s pomočjo veznika «и» popolnoma normalna za starorusko skladnjo;

- Л. 66 об. вольхвъ *всталъ* при Глѣбѣ в Новѣгородѣ. *гліиеть* бо людемъ. и творашеть бо (людемъ) бѣмъ – če obravnavamo obliko *всталъ* kot deležnik, potem je to povsem navadna zgradba: glavno dejanje je izraženo z imperfektom *гліиеть*, dodatno pa z deležnikom.

Tako v primerih, ki smo jih obravnavali v članku, je perfektiven pomen v oblikah na *-l-* odsoten. Analizirani konteksti z oblikami na *-l-* so povsem navadni za pretekle deležnike. To, da so oblike na *-l-* v staroruskem jeziku bile v vlogi deležnikov na *-ъѣ/-вѣѣ-*, potrjuje tako gradivo drugih slovanskih jezikov kot tudi rusko dialektološko gradivo.

Za slovanske jezike so različno tipični pridevniki, ki izhajajo iz deležnikov na *-l-*: rusk. *огрубелый, одурелый, вялый*. Podobne oblike so obširneje predstavljene v ruskih dialektih:

иззяблый, горклый, мерзлый, мерклый. Podobne oblike so precej pogoste, ampak niso regularne v ukrajiniščini: *робилий, купилий, двигнулий, носивилий*. Isto situacijo lahko opazujemo v češčini: *zahynulý, rodilý, příšlý*. Veliko število pridevnikov, izhajajočih iz bivših deležnikov na *-l-*, najdemo v poljskem jeziku: *stały, oschły, okazały*; ter v slovenskem jeziku: *orumenel, osirotel, ovenel*.

Poleg tega so v ruskih narečjih znane tvorbe tipa *всталии, обулии*, ki so se najverjetneje pojavile pod vplivom slovnicega dejavnika (kontaminacija oblik *встал* in *вставии*).

Zanimivo je gradivo kašubskega dialekta. V kašubščino prevedenem Evangeliju najdemo oblike na *-l-* v vlogi «navadnih» deležnikov, naprimer: *wjdzalęch – »videvših«* (Mt 2,6), jes *przészłi – »еси пришедший«*.

V bolgarskem jeziku se deležnik na *-l-* uporablja ne samo v zloženih glagolskih oblikah, ampak tudi kot določitev in v takih primerih ima tudi člensko (polno) obliko: *Седналият до мене мъж стана. Севший возле меня мужчина встал*; 'Moški, ki se je usedel poleg mene, je vstal' (pri tem v bolgarskem jeziku ni deležnikov na *-ъѣ-/-vъѣ-*, ki se uporabljajo v ruščini).

Protislovno je: če so deležniki na *-l-*, tako kot pravi tradicija, bili izključno predikatne oblike, ki so omejevale na tvorbo zloženih časov in so sčasoma zgubljale svoje deležniške lastnosti in se pretvarjale v dovršne oblike, kako so se lahko potem pojavile še nove tvorbe? Očitno je zgodovina deležnikov na *-l-* bolj kompleksna in ni omejena na postopno izgubo deležniških lastnosti in spreminjanje v nevtralnno obliko preteklika. Upoštevajoč gradivo se da predpostaviti, da so se oblike na *-l-* lahko izkazale tudi kot navadni deležniki (predikatno-atributivne tvorbe).

Ni pravih razlogov trditi, da oblika perfekta nastopa v vlogi prostega preterita, ker je celotni IL v arhaičnemu jeziku in v besedilu letopisa ne najdemo drugih primerov, kjer bi predvidevali uporabo oblike na *-l-* v vlogi aorista. Kot je pokazalo gradivo, je po podatkih A.A. Pičhadze 7 oblik od 11 v kontekstih, značilnih za deležniške predikacije, kar se zdi naravno razlagati z izhodiščno deležniško obliko na *-l-*. Razložitev za štiri druge primere deležnika na *-l-* je tudi aktualizacija prav deležniških lastnosti, ko oblika na *-l-* nastopa v zgradbi «*вставъ (и) рече*». Upoštevajoč stanje v slovanskih jezikih, v katerih v različnem obsegu najdemo pridevnike, ki izhajajo iz deležnikov na *-l-*, se zdi logično predpostaviti, da so se oblike na *-l-* lahko uporabljale samostojno in ne samo v okviru zloženih časov ter funkcionirale kot »navadni« pretekli tvorni deležniki.